

УДК 341.9: 342.7

М.С. Газиев

**ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСЫНОВЛЕНИЯ
ГРАЖДАНАМИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЕТЕЙ,
ЯВЛЯЮЩИХСЯ ГРАЖДАНАМИ ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ**

В статье раскрываются правовые и процессуальные проблемы регулирования усыновления в Российской Федерации. При этом особое внимание обращено на вопросы усыновления гражданами России детей, являющихся гражданами других государств. Российское законодательство, регулирующее международное усыновление, отличается изобилием коллизионных норм, предполагает применение иностранной юрисдикции, что не всегда соответствует положениям Конвенции ООН о правах ребенка.

Ключевые слова: международное усыновление, усыновитель, права ребенка, отмена усыновления.

**PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF ADOPTION CITIZENS
OF THE RUSSIAN FEDERATION CHILDREN, ARE CITIZENS
OF OTHER STATES**

The article deals with legal and procedural problems of adoption regulation in the Russian Federation. The author pays attention to the questions of international adoption by Russian citizens. The article stresses the fact that Russian intercountry adoption legislation is characterized by abundance of conflict-of-laws rules, involves foreign jurisdiction application, that is not always in line with the UN Convention on the Rights of the Child.

Key words: intercountry adoption, adopter, the rights of the child, annulment of child adoption.

Международное усыновление стало одним из заметных факторов социальной жизни современного российского общества, оно проявляет тенденцию к увеличению. Усыновление как семейно-правовой институт за последние годы с позиции международного частного права оказалось в центре внимания ряда авторов (А.В. Якунина, О.Н. Петюкова, А.Т. Шангареев, В.Л. Харсеева, М.А. Питерская и др.) [12, с. 561-565; 6, с. 35-39; 10, с. 37-39; 11, с. 358-360; 7, с. 174-178]. Авторы в своих работах указывают на недостаточную правовую регламентацию международного усыновления, несходства законодательств различных государств относительно данного вопроса, безраздельное господство коллизионных норм, которые отсылают к праву отдельных государств. Особенностью изученных нами научных трудов является то, что в них исследования сфокусированы на проблемах усыновления детей-граждан Российской Федерации иностранными гражданами и лицами без гражданства. А вот

вопросы усыновления (удочерения) гражданами Российской Федерации детей, являющихся гражданами иностранных государств, в них практически не обсуждались, хотя они отличаются не меньшей остротой. В настоящей статье остановим внимание на некоторые из них.

В настоящее время вопросы усыновления регламентированы нормами отечественного права, в основном Семейным кодексом Российской Федерации (ст. 124 – 144, 165); Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (ст. 269 – 275); Федеральным законом от 16.04.2001 г. № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей», а также международными договорами, участниками которых является Россия, и рядом подзаконных актов.

Вопросы усыновления нашли отражение главным образом в Конвенции о правах ребенка [3]. Российская Федерация, как правопреемница СССР, является участницей данной Конвенции, ее нормы включены в правовую систему РФ. Как гласит ст. 20 Конвенции, ребенок, который постоянно или временно лишен своего семейного окружения или который в его собственных интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь государства.

За период после ратификации Конвенции о правах ребенка произошло активное обновление российского семейного законодательства. Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) в соответствии с положениями данной Конвенции к основным началам семейного законодательства относит принцип приоритета семейного воспитания ребенка (п. 3 ст. 1) и закрепляет право каждого ребенка жить и воспитываться в семье, насколько это возможно (п. 2 ст. 54). Но, несмотря на это, в правовом регулировании усыновления (удочерения) детей, оставшихся без попечения родителей, существует немало проблем. Пробелы в законодательстве прежде всего затрагивают законные права и интересы граждан Российской Федерации, желающих усыновить (удочерить) детей, являющихся иностранными гражданами. Данная проблема в юридической литературе еще не обсуждалась, какие-либо исследования не проводились.

В соответствии с СК РФ, вопросы, связанные с международным усыновлением (удочерением), определяются в основном по российскому законодательству. В частности, это касается порядка учета детей, оставшихся без попечения родителей, и потенциальных усыновителей, требований, предъявляемые к усыновителю и т.д.

Однако вместе с тем решение вопроса об усыновлении в РФ гражданами Российской Федерации детей, являющихся гражданами иностранных государств, российское законодательство ставит в зависимость от иностранных юрисдикций и регламентов. Так, при усыновлении (удочерении) на территории Российской Федерации гражданами Российской Федерации ребенка, являющегося иностранным гражданином, необходимо получить согласие законного представителя ребенка и компетентного органа государства, гражданином которого он является, а также, если это требуется в соответствии с законодательством указанного государства, согласия ребенка на усыновление (абз. 3 п. 1 ст. 165 СК РФ) [4]. Казалось бы, в первую очередь необходимость данной нормы обусловлена целью установить отсутствие каких-либо препятствий для граждан России, желающих быть усыновителями. Но, с другой стороны, именно она создает немало проблем для граждан России, делает в ряде случаев усыновление (удочерение) невозможным в силу того, что поставлено в зависимость не только от иностранной юрисдикции и иностранных регламентов, но и от волюнтаризма иностранных чиновников.

Проиллюстрируем данную проблему на следующем примере. Гражданка Российской Федерации Х. Егорова и ее муж решили на усыновление и встали в очередь одновременно в Москве и нескольких соседних регионах. В конце марта 2016 г. им позвонили из Долгопрудненского управления социальной защиты населения (УСЗН) и сообщили о новорожденном ребенке, от которого отказалась его мать, гражданка Таджикистана. Х. Егорова и ее муж сразу же согласились на усыновление. 13 апреля 2016 г. семья Егоровых оформила опеку, а в мае усыновила мальчика. Представители

УСЗН и прокуратуры против усыновления не возражали, ребенку оформили российское свидетельство о рождении и гражданство России. Но 15 июня семья Егоровых получила письмо из Долгопрудненского УСЗН с уведомлением, что Бутырский суд г. Москвы принял решение об отмене усыновления и усыновленный ими ребенок будет депортирован в Таджикистан. Основанием для принятия такого решения стало то обстоятельство, что органы опеки Долгопрудненского УСЗН несвоевременно направили запрос таджикским властям. Получив уведомление российской стороны, представитель консульства Таджикистана заявил о несогласии с решениями об опеке и усыновлении и потребовал вернуть ребенка на родину, обосновав свои доводы тем, что дети, родившиеся от граждан Таджикистана, автоматически получают гражданство этой страны вне зависимости от того, где именно они родились, а иностранное усыновление в его стране полностью запрещено. После этого в Бутырский районный г. суд обратились представители УСЗН по СВАО города Москвы с просьбой отменить решение об усыновлении [9].

В соответствии с Семейным кодексом Республики Таджикистан (ч. 1 ст. 227) РТ усыновителями могут быть совершеннолетние граждане Республики Таджикистан [5]. Об иностранном усыновлении (запрете, разрешении) закон не упоминает вообще. Кроме того, в законе не содержится ответа на вопрос: граждане Республики Таджикистан могут быть усыновителями только в отношении детей, являющихся гражданами Республики Таджикистан, или всех детей без исключения, независимо от того, гражданами какого государства они являются. Таким образом, коллизийная норма ст. 165 СК РФ, отсылающая к иностранному законодательству, подлежащему применению при международном усыновлении, порождает немало проблем. Установление содержания норм иностранного семейного права, а в данном случае – таджикского представляется довольно проблематичным. В силу п. 1 ст. 166 СК РФ в целях установления содержания норм иностранного семейного права суд в установленном порядке может обратиться за содействием и разъяснениями в Министерство юстиции Российской Федерации и другие компетентные органы Российской Федерации либо привлечь эксперта в области иностранного права. Однако в данном случае этого сделано не было.

Российская Федерация и Республика Таджикистан являются государствами-участниками СНГ, в рамках которого заключено немало межгосударственных договоров, в том числе по делам, вытекающим из семейных правоотношений, среди которых выделяется Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в Минске 22 января 1993 г. (Минская конвенция). Согласно ст. 37, усыновление или его отмена определяются по законодательству Договаривающейся Стороны, гражданином которой является усыновитель в момент подачи заявления об усыновлении или его отмене. Если ребенок является гражданином другой Договаривающейся Стороны, то при усыновлении или его отмене необходимо получить согласие законного представителя или компетентного государственного органа, а также согласие ребенка (если это требуется по законодательству Договаривающейся Стороны, гражданином которого он является).

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенная в г. Кишиневе 7 октября 2002 г. (Кишиневская конвенция), содержит коллизийные нормы об усыновлении, в основном повторяющие положения ст. 37 Минской конвенции. Однако без изменения основной привязки к гражданству усыновителя Кишиневской конвенцией введена оговорка: основная привязка применяется, если внутренним законодательством Договаривающейся Стороны, гражданином которой является ребенок, не установлено иное (ст. 40). Эти изменения специалисты оценивают как стремление государств-участников усилить контроль за международным усыновлением своих граждан, обеспечить максимальную защиту их интересов [1, с. 10]. Однако нельзя не отметить, что формулировка ч. 1 ст. 40 Кишиневской конвенции позволяет говорить об ограничении применения коллизийной нормы конвенции: иное регулирование вопроса во внутреннем

законодательстве другого государства блокирует ее применение. Именно так и произошло в вышеприведенном случае, когда решался вопрос об усыновлении гражданами РФ Егоровыми ребенка, являющегося гражданином иностранного государства (Республики Таджикистан).

Невозможность по законодательству Республики Таджикистан усыновления иностранными гражданами (в данном случае Егоровыми) ребенка, являющегося гражданином Таджикистана по рождению, и отказ от дачи согласия компетентных органов Таджикистана на усыновление послужили основанием для того, чтобы УСЗН по СВАО Москвы обратилось с иском об отмене усыновления. Бутырский районный суд города иск удовлетворил.

Является ли законной отмена усыновления по вышеизложенному основанию? Попробуем разобраться. В соответствии со ст. 141 СК РФ (основания к отмене усыновления) усыновление ребенка может быть отменено в случаях, если усыновители: а) уклоняются от выполнения возложенных на них обязанностей родителей; б) злоупотребляют родительскими правами; в) жестоко обращаются с усыновленным ребенком; г) являются больными хроническим алкоголизмом или наркоманией. Помимо этого, закон (п. 2 ст. 141 СК РФ), исходя из интересов ребенка и с учетом его мнения, оставляет за судом право отменить усыновление ребенка и по другим основаниям, прямо не предусмотренным в законодательстве.

Однако закон не раскрывает содержание «других оснований». По данному вопросу имеется разъяснение Пленума Верховного суда РФ [8]. Суд, исходя из п. 2 ст. 141 СК РФ, вправе отменить усыновление ребенка и при отсутствии виновного поведения усыновителя, когда по обстоятельствам как зависящим, так и не зависящим от усыновителя, сложились отношения, необходимые для нормального развития и воспитания ребенка. К таким обстоятельствам, в частности, можно отнести отсутствие взаимопонимания в силу личных качеств усыновителя и (или) усыновленного, в результате чего усыновитель не пользуется авторитетом у ребенка либо ребенок не ощущает себя членом семьи усыновителя; выявление после усыновления умственной неполноценности или наследственных отклонений в состоянии здоровья ребенка, существенно затрудняющих либо делающих невозможным процесс воспитания, о наличии которых усыновитель не был предупрежден при усыновлении. В указанных случаях суд вправе отменить усыновление, исходя из интересов ребенка и с учетом мнения самого ребенка, если он достиг возраста десяти лет (ст. 57, п. 2 ст. 141 СК РФ).

Как видим, нарушения, которые были допущены при усыновлении ребенка в приведенном нами примере, не могут являться законными основаниями к отмене судебного решения об усыновлении и к отказу в удовлетворении заявления об усыновлении. Что касается несогласия компетентных органов Таджикистана на усыновление, на наш взгляд, оно не должно было быть препятствием к усыновлению ребенка в Российской Федерации. Наша позиция основана на разъяснениях приведенного выше Пленума Верховного суда РФ, в п. 9 которого отмечено: отказ опекуна (попечителя), приемных родителей или руководителей указанных выше организаций дать согласие на усыновление, в отличие от отказа родителей, не препятствует положительному разрешению судом вопроса об усыновлении, если этого требуют интересы ребенка (п. 2 ст. 124, п. 2 ст. 131 СК РФ). Все аргументы и факты, приведенные представителем компетентных органов Таджикистана, неосновательны по сравнению со счастьем этого ребенка и других иностранных детей, которые могут быть усыновлены гражданами России, вырасти и стать достойными членами российского общества.

Следует отметить, что СК РФ не предусматривает оснований для признания усыновления недействительным.

В СК РФ закреплено одно важное правило, в соответствии с которым усыновление не может быть произведено, а произведенное усыновление подлежит отмене в судебном порядке – лишь в том

случае, если в результате усыновления могут быть нарушены права ребенка, предусмотренные законодательством РФ и международными договорами РФ (п. 2 ст. 165 СК).

В данном случае следует особо отметить, что о значении международных норм в Конвенции о правах ребенка (ст. 21) содержится следующее указание: усыновление в другой стране может рассматриваться в качестве альтернативного ухода за ребенком, если ребенок не мог быть передан на воспитание или помещен в семью в стране происхождения и если обеспечение какого-либо подходящего ухода в стране происхождения невозможно. Данная норма в российском законодательстве отсутствует, в ст. 124 СК РФ такое условие усыновления не закреплено. О несоответствии ст. 124 СК РФ Конвенции о правах ребенка высказывались юристы-практики [2].

Более того, норма ч. 1 ст. 127 СК Республики Таджикистан «усыновителями могут быть совершеннолетние граждане Республики Таджикистан...» представляется нам расплывчатой, не совсем понятной. В данной норме нет прямого запрета на иностранное усыновление. Какое-либо толкование и доктрина по этому вопросу в Таджикистане отсутствуют. На наш взгляд, таджикский законодатель изложил данную норму в такой редакции, дабы избежать международных упреков о ее несоответствии Конвенции о правах ребенка. Мы солидарны с мнением таджикских экспертов (С. Романов, С. Алимова, К. Хомидова) в том, что норма ст. 127 СК Республики Таджикистан, по сути запрещающая иностранное усыновление, противоречит Конвенции о правах ребенка [13].

Кроме приведенного примера, имеются и другие прецеденты, когда компетентные органы Таджикистана отказывали в иностранном усыновлении детей. Так, районный суд г. Душанбе отказал в принятии заявления Елены Качен об удочерении Дины Алиевой – дочери ее погибшей сестры, на основании ст. 127 СК РТ. Основанием для отказа послужило то обстоятельство, что заявитель является гражданкой Германии, а удочеряемая – гражданкой Республики Таджикистан [14].

На наш взгляд, при решении вопроса об усыновлении Егоровыми ребенка, являющегося гражданином Республики Таджикистан, суду следовало бы руководствоваться п. 2 ст. 166 СК РФ, применить законодательство Российской Федерации. В данном случае, какие бы меры ни были приняты судом по установлению содержания иностранного законодательства (а именно ч. 1 ст. 127 СК Республики Таджикистан), оно не могло быть установлено, ибо в Республике Таджикистан официальное толкование и доктрина по этому вопросу отсутствуют.

Все изложенное позволяет сделать вывод, что правовое регулирование некоторых вопросов усыновления (удочерения) в Российской Федерации зависит от иностранных юрисдикций и регламентов, что, на наш взгляд, недопустимо. В случае коллизии норм законодательства разных государств по данному вопросу следует исходить из положений Конвенции о правах ребенка. Считаем необходимым включить в ст. 165 СК РФ норму в следующей редакции:

«Усыновление (удочерение) в Российской Федерации ребенка, являющегося гражданином другого государства, рассматривается в качестве альтернативного ухода за ребенком, если ребенок не мог быть передан на воспитание или помещен в семью в стране происхождения и если обеспечение какого-либо подходящего ухода в стране происхождения является невозможным.

Отказ опекуна (попечителя), приемных родителей или руководителей компетентных органов иностранного государства дать согласие на усыновление не препятствует положительному разрешению судом вопроса об усыновлении, если этого требуют интересы ребенка».

---

1. Бахин, С.В., Игнатъев, А.С. Правовая помощь и правовые отношения по гражданским, семейным и уголовным делам: корректировка регламентации в рамках СНГ (Кишиневская конвенция 2002 г.) // Журнал международного частного права. – 2005. – С. 10.

2. Завражний, В. Усыновление иностранцами детей – российских граждан // Российская газета. – 2001, № 7.
3. Конвенция о правах ребенка (принята Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989г. Вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. – 1993. – Вып. XLVI.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 20.04.2015) //СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
5. Семейный кодекс Республики Таджикистан // Национальный центр законодательства при Президенте Республики Таджикистан. Режим доступа: <http://mmk.tj/ru/>
6. Пентюкова, О.Н. Новеллы российского законодательства об усыновлении (удочерении) детей // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 «Юриспруденция». – 2014. – № 3 (24). – С. 35-39.
7. Питерская, М.А. Отмена усыновления в судебном порядке //Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 11, вып. № 32. – С. 174-178.
8. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 20.04.2006 № 8 (ред. от 17.12.2013) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей» (п.19) // [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс».
9. Тяжлов, И. Российская семья столкнулась с запретом иностранного усыновления. – <http://www.kommer-sant.ru/doc/3094832>
10. Шангареев, А.Т. О международном усыновлении в Российской Федерации // Социально-политические науки. – 2013. – Вып. № 2. – С. 37-39.
11. Харсеева, В.Л. Проблемы правового регулирования усыновления (удочерения) детей, оставшихся без попечения родителей, в РФ //Теория и практика общественного развития. – 2012. – Вып. № 11. – С. 358-360.
12. Якунина, А.В. Некоторые вопросы международного усыновления (удочерения)// Государство и право. – 2015. – Вып. №5 (17). – С. 561-565.
13. <http://old.news.tj/tj/node/6209>
14. <http://www.fergananews.com/articles/6499>